

Луис Бунюэль: «Я не люблю теплые страны»

Экран и сцена - 2000 - март-апрель - 8
С.Я.

Луису Бунюэлю — сто лет. О его воззрениях, исканиях, метаниях, пристрастиях; о его фильмах; о его жизни написано уже столько... Его кинематограф принимали и отвергали, возносили, боготворили и снова отвергали. Еще, вероятно, и потому, что в нем бесконечно сталкивались противоположности — мир сновидений и реальность, святость и грех, любовь и ненависть, нежность и жестокость, богатство и нищета, свобода и зависимость, жизнь и смерть. Он снял тридцать два фильма. Последний — в 77-м году. И до сих пор их обсуждают, о них спорят, их разбирают по кадрам, исследуют, анализируют и, пытаясь разобраться, разбивают лбы, набивают шишки. Слишком уж неподатлив его кинематограф, слишком уж он отдельный, на других не похожий, слишком его собственный, бунюэлевский. И лучше всего о себе написал он сам — Бунюэль. В книге «Мой последний вздох». Возможно, что и в ней не все сказано, во всяком случае, многое открывается. Доверимся.

«Я не люблю людей, считающих себя обладателями истины. Кто бы они ни были. Мне с ними скучно, и они вызывают у меня страх. Я (фанатичный) антифанатик».

«Я обожал Вагнера и использовал его музыку во многих картинах, начиная с первой («Андалусский пес») и кончая последней («Смутный объект желания»). Я неплохо знал его произведения».

«Я обожал «Энтомологические воспоминания» Фабра. За удивительную наблюдательность, за безграничную любовь к

живым существам. Эта ни с чем не сравнимая книга много выше Библии. Долгое время я говорил, что именно ее взял бы с собой на необитаемый остров. Сегодня я передумал: я не взял бы ни одной книги».

«Я не люблю психологию, анализ, психоанализ. Среди психоаналитиков у меня есть друзья. Некоторые из них писали мне, как они трактуют мои фильмы со своей точки зрения. Это их право. К тому же не стану отрицать, что в молодости учение Фрейда и открытие подсознательного оказали на меня влияние...»

«Я люблю мании. О некоторых я иногда рассказываю. Они могут помочь жить. Мне жаль людей, у которых их нет».

«Мне не нравится зрелище смерти, но одновременно оно меня притягивает...»

«Мне нравятся фильм Кубрика «Тропы славы», «Рим» Феллини, «Броненосец «Потемкин» Эйзенштейна, «Большая жратва» Марко Феррери, эдакий гедонистский памятник трагедии плоти, «Гупи — Красные Руки» Жака Беккера и «Запрещенные игры» Рене Клемана. Как я уже говорил, мне очень нравились ранние фильмы Фрица Ланга, Бестера Китона, братьев Маркс, фильм Хаса (по роману Я.Потоцкого) «Рукопись, найденная в Сарагосе» — я видел ее трижды, что для меня редкость, и заставил приобрести для Мексики в обмен на «Симеона-столпника». Я очень люблю довоенные фильмы Ренуара, «Персону» Бергмана. У Феллини мне

также нравятся «Дорога», «Ночи Кабирии», «Сладкая жизнь». Я никогда не видел «Маменькиных сынков» и сожалел об этом. А с «Казановы» я ушел задолго до конца...»

«Я очень люблю Вайду и его фильмы. Мы никогда не встречались, но однажды, на одном из Каннских фестивалей, он публично заявил, что мои первые фильмы побудили его заняться кинематографом. Это напоминает мне мое собственное восхищение первыми картинами Фрица Ланга, решившее мой выбор. Есть что-то трогательное в тайственных связях, идущих от фильма к фильму, от одной страны к другой».